

Л.Л. Ивченко

Наполеон глазами Русской Армии

«Воспоминания о подробностях той эпохи имеют для участвовавших в ней прелесть непреодолимую», — признавался А.А. Щербинин.¹ Кем бы впоследствии ни стали участники славных походов, но значительность всего совершившегося с ними и на их глазах они ощущали на протяжении всей своей жизни.

Русские военные знали, кто не позволял им скучать: «...Наполеон в той исторической шляпе, в том историческом сером сюртуке, от коих земля дрожала, и которые, казалось, курились еще дымом сражений»². А.И. Михайловский-Данилевский сообщал о Наполеоне как о главной примете времени: «Имя его было известно каждому и заключало в себе какое-то безотчетное понятие о силе без всяких границ». Ф.В. Булгарин, которому довелось сражаться не только в русской, но и в наполеоновской армии, вспоминал с восторгом: «Чудная эпоха, которая не скоро повторится на земле, эпоха истинно мифологическая! Битвы Титанов, общий переворот на земном шаре, падение и восстание царств, столкновение целых народов, ряды героев в их челе: все это мы видели и участвовали в великих событиях, как капля воды в волнах разъяренного моря <...>»³. Пока власть находилась в руках «горделивого властелина Европы» Наполеона Бонапарта, казалось, что военным заботам не будет конца. «Безвестный корсиканец», совершивший невероятное восхождение к вершине воинской славы, стяжал бессмертие не только для себя: вместе с ним вошли в историю сотни тысяч людей из тех, для кого «между долгом и смертью середины не было». После смерти Наполеона в России, как и во Франции, доживали свой век ветераны, независимо от возраста пережившие свое время. При жизни Наполеона они жили

настоящим, после него — только прошлым. По словам И.Т. Родожицкого, им оставалось только «ходить из дома в дом, выигрывать деньги, слушать и молоть бессмысленный вздор и вздыхать около немых красавиц, значило посвятить себя праздности, от которой вскоре можно было одуреть и быть вовсе бесполезным трутнем для себя и для других»⁴. Денис Давыдов, «пережив многое и многих», горестно сокрушался: «...Склонясь главой у слуга, завидую костям соратника или друга». Он же подвёл итог «самой звездной из эпох»:

 Был век бурный, дивный век,
 Громкий, величавый;
 Был огромный человек,
 Расточитель славы!

Вопрос об отношении русской армии к «расточителю славы» как в пору его могущества, так и после не особенно привлекал внимание специалистов. Это происходило, вероятно, потому, что сама эта проблема «нивелировалась» под мощным влиянием художественной литературы более позднего периода. Самым ярким примером, упростившим понятия о восприятии личности Наполеона в среде русских военных начала XIX века, является роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». Читатели нередко забывают, что великое произведение «великого Льва» создавалось в иную эпоху, насыщенную «дезстетизацией всего военного». Взгляды писателя на войну и военных, безусловно, заслуживают внимания, но они не отражают настроения русского общества в пору наполеоновских войн в Европе, о которых пишет современный исследователь: «Образованному обществу России начала XIX века было свойственно романтическое восприятие политики и "человека войны"». Он мыслился победителем, а война осознавалась как открытая ситуация для реализации потенций героя. Это представление соответствовало общему культурно-психологическому духу эпохи классицизма. Европейские войны прочитывались российскими зрителями в категориях античного противоборства. Идеализации войны в российском обществе немало способствовали военные успехи русской армии, добытые под

руководством Суворова. Ими гордились, и, казалось, что сражения — совершенно естественное средство защиты внешнеполитических интересов государства»⁵. Создатель романа «Война и мир» ненавидел войну, но он ненавидел и военных, тех, кто в действительности составлял лицо эпохи, наполненной в романе героями не своего времени. Именно поэтому те, кто жил и сражался в ту эпоху (А.А. Щербинин, П.А. Вяземский, А.С. Норов), не поняли и не приняли произведения Толстого. Конечно, мнением «самовидцев» можно пренебречь, упрекнуть их в недалекости и ограниченности. Примером тому статья С.А. Экишута, автор которой считает: «На глазах последних свидетелей ушедшей эпохи Толстой сотворил всем реальностям реальность, которая превзошла собой все: не только многотомные сочинения историков и старческое брюзжание ветеранов, но и само былое. Творческий труд писателя вызвал к жизни и способствовал развитию реальности в превосходной степени — и эта реальнейшая реальность, способная порождать реальные эмоции и заставляющая читателей сопереживать судьбам вымышленных героев, превратилась в эталон исторической памяти о великой эпохе 1812 года»⁶. Думается, что суждение автора статьи отстаёт от современной познавательной ситуации. С автором можно было бы согласиться 15 лет назад: при советской власти в условиях всеобщего среднего образования роман «Война и мир» изучался в школе в течение четверти. Этим обстоятельством во многом и определялась его роль как эталона. Многочисленные публикации источников, периодические военно-исторические издания, движение военно-исторической реконструкции — всё это свидетельствует о том, что «умственная плотина», ограничивающая наши представления о событиях наполеоновских войн гениальным художественным романом, прорвалась.

Отрешившись от толстовского эталона восприятия личности Наполеона, обратимся к письмам, дневникам, воспоминаниям той поры. Военственные наклонности французского Императора, названные в романе «Война и мир» преступлением, вообще-то были традиционными для военных начала XIX столетия, не отличавшихся излишней филантропией. Так, неоднократно упоминаемый нами Денис

Давыдов восклицал без всякого стеснения: «Я люблю кровавый бой: я рожден для службы царской!» Или вот ещё: «В ужасах войны кровавой я опасности искал, я горел бессмертной славой, разрушением дышал...». Что тут скажешь? Остаётся повторить за историком: «Мы можем сделать прошлому выговор, возмутиться им, но никак не можем сделать одного: отменить то, что было»⁷. Известный генерал Я.П. Кульнев любил приговаривать: «Россия матушка тем и хороша, что в каком-нибудь ее конце обязательно да воюют»⁸. При этом он слыл добрейшим человеком. Князь Петр Иванович Багратион рассуждал примерно также: «Я люблю страстно драться с французами: молодцы! Даром не уступят – а побьешь их, так есть чему и порадоваться»⁹. А.П. Ермолов приводит в своих Записках эпизод, относящийся к кампании 1807 года, рисующий нравы военных той поры: «Нельзя было в короткое время разрушить мост, и потому опасно было, чтобы неприятель, пользуясь темнотою ночи, не овладел им. С позволения начальника послал я команду и приказал ей зажечь два квартала, принадлежащие к мосту, дабы осветить приближение неприятеля <...>. Мне грозили наказанием за произведенный пожар, в главной квартире много о том рассуждали и находили меру жестокою. Я разумел, что после хорошего обеда, на досуге, особливо в 20-ти верстах от опасности нетрудно шеголять великодушием»¹⁰. Ермолову же принадлежит высказывание, которое можно признать программным для военных людей тех лет: «Мне 24 года; исполнен усердия и доброй воли; здоровье всему противостоящее! Недостает войны»¹¹. Пожалуй, русского генерала можно было бы упрекнуть в бонапартизме, если бы он и Наполеон Бонапарт, чья фамилия с добавлением окончания «-изм» превратилась впоследствии стараниями литераторов в нечто нарицательное, не были почти одногодками. Они родились почти в одно и то же время в разных концах Европы, а взгляды на войну у них – одинаковые. Разница между ними одна: бедный артиллерийский офицер во Франции стяжал императорскую корону, а небогатый артиллерийский офицер в России стал проконсулом Кавказа. Оба потерпели крушение честолюбивых

замыслов, оба страдали, «измученные казнию покоя» (А.С. Пушкин). К ним к обоим в равной степени можно отнести философское замечание А.П. Ермолова: «Каждому даны собственные силы: один восстает от края пропасти, другой свергается с высоты величия». Нам могут возразить: именно за это сходство взглядов с Наполеоном Л.Н. Толстой и недолюбливал генерала Ермолова. Да, действительно, писатель противопоставляет в романе честолюбивому Ермолову «тихих и скромных» генералов – П.П. Коновницына и Д.С. Дохтурова. Нам представляется, что писатель недоглядел в них что-то важное. Любимец солдат П.П. Коновницын, по словам современников, «не мог видеть боя, чтобы не броситься в самый жаркий огонь». О предстоящем сражении он сообщает своей супруге с жизнеутверждающей веселостью, так не вяжущейся с книжным образом: «...А Лизе (дочери. – Л. И.) вензель (фрейлинский шифр. – Л. И.) выслужу, как ты хочешь, для ее, право, пойду в Данциге на батарею, ты не шути, право, для счастья моего семейства напрокажу...»¹². Вряд ли автор «Войны и мира» знал о заботах, одолевавших «маленького, скромного» Д.С. Дохтурова в течение всей кампании 1812 года: когда, наконец, он будет представлен начальством к Георгию 2-го класса?¹³ Следуя за Толстым, мы можем осудить Коновницына за то, что он жертвовал жизнью подчинённых «по семейным обстоятельствам», а Дохтурова – за то, что в минуту лишений и бедствий его волновал вопрос о наградах. Но наши претензии к людям из другой эпохи – не историчны. И Ермолов, и Коновницын, и Дохтуров не хуже и не лучше, чем в «реальности» Толстого: они – другие. Следовательно, и Наполеон – другой, и отношение к нему – другое...

Так, Ермолов, вступивший в марте 1814 года победителем в покорённый Париж, мог себе позволить выходку, непозволительную для тех, кто не имел его заслуг. Современник вспоминал о том, как его внимание «остановил на себе портрет Наполеона I, висевший сзади кресла, обыкновенно за Ермоловым.

-- Знаете, отчего я повесил Наполеона у себя за спиной? – спросил Ермолов.

– Нет, Ваше Высокопревосходительство, не могу себе объяснить причины.

-- От того, что он при жизни своей привык видеть только наши спины»¹⁴.

Победитель Ермолов эпатировал посетителя своим отношением к Наполеону, спустя годы. Дворянский брат Ермолова «язвительный и желчный» генерал Н.Н. Раевский (тоже весьма нелюбимый Л.Н. Толстым) так оценил силы противоборствующих сторон в начале Отечественной войны 1812 г.: «Он должно быть нас несколько сильнее, но гораздо искусней, мы его сто раз храбрей, но гораздо глупей... Превосходство Гения и Славы Наполеона и ничтожество Барклая зделало его (Барклая. – Л.И.) совершенно робким в действиях»¹⁵. Впрочем, последующие события военной кампании породили в нашем генерале новые разочарования, к которым он вообще был склонен по своей природе: «Великий Наполеон, став весьма маленьким, бежит менее, чем со ста тысячами человек <...>. Наш дорогой человек спустился с ходуль – вот они, великие люди. Они мельчают при ближайшем рассмотрении»¹⁶.

Следует отметить, что и Ермолов, и Раевский принадлежали к старшему поколению военных, занимавших в русской армии высшие командные должности. В грозную пору бедствий Отечества честь и достоинство России удержали на своих плечах те, кто родился и прожил значительную часть жизни при Екатерине Великой. Они были свидетелями и участниками событий той поры, о которой так выразительно отзывался Н.М. Карамзин: «...Воинствуя, мы разили!» Победоносные настроения тех дней определяли их психологию. Если философия Наполеона выражалась словами «большие батальоны всегда правы», то он наткнулся на достойных противников, которые ещё до него не только постигли «правоту больших батальонов», но и готовы были морально ей противостоять. Те, кого подчас укоризненно величают «военно-аристократической олигархией» (А.Г. Тартаковский), в 1812 году

с честью выполнили свой долг перед Отечеством. У «екатерининского орла» М.И. Кутузова и у «орлят» помоложе, таких как кн. П.И. Багратион, М.А. Милорадович, не было ни страха, ни чрезмерного преклонения перед гением Наполеона. Герои «времен Очакова и покоренья Крыма» даже чувствовали себя его соперниками. «Как ему не узнать меня, -- говорил своему окружению про Императора Франции Кутузов. -- Я старше его по службе...» Вместе с тем, они не сомневались в военных дарованиях «первого солдата всех времен». Традицию признавать воинские способности своего противника заложил ещё А.В. Суворов, с восторгом наблюдавший за первыми шагами великого полководца: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он гигант, он колдун! Он побеждает и природу, и людей <...> О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальничества, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. <...> У него военный совет в голове. <...> В действиях свободен он, как воздух, которым дышит. <...> Пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные достались ему в удел. Но ежели, несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, – он погибнет»¹⁷. Под «политическим вихрем» Суворов, конечно же, не подразумевал императорскую корону, но, предугадывая вероятный поворот судьбы волевой и целеустремленной личности, «Российский Марс» судил о своем возможном сопернике в правильном направлении. «Обломки екатерининского царствования», видевшие могущественных фаворитов Императрицы, помнили, что ни один из них не протянул руку к её короне, избрав своей добродетелью повиновение. Старшее поколение русских военных сурово осуждало за это Наполеона за «преступное самовластье». Для них он навсегда остался «генералом Буонапарте». Вопрос о происхождении его власти был для них вопросом даже не политики, а нравственности. Узнав из перехваченной эстафеты о заговоре генерала Малее в Париже, русский Главнокомандующий поделился с окружающими своим мнением: «Я думаю, собачьему сыну эта восточка не по нутру будет, вот что значит не законная, а захваченная власть»¹⁸. Рассказывая молодым офицерам о временах Екатерины II, Кутузов

намекал на неблагоприятные новые времена, когда корсиканский дворянин стал Императором Франции, а русский Император признал в Тильзите его права: «В наше время слепо повиновались начальству». Из всего этого Кутузов делал вывод: «Зарварство началось в войне от вырождков французской революции и от Бонапарта». Здесь его суждения полностью совпадали с «Мыслями вслух на Красном крыльце» его злейшего недоброжелателя Московского генерал-губернатора гр. Ф.В. Ростопчина: «Революция – пожар, Франция – головешки, а Бонапарте – кочерга»¹⁹. Мнение Кутузова и Раевского о трагическом для неприятеля исходе кампании 1812-го года почти полностью совпадают: «Сегодня я много думал о Бонапарте, и вот что мне показалось. Если вдуматься и обсудить поведение Бонапарта, то станет очевидным, что он никогда не умел, или никогда не думал, чтобы покорить судьбу»²⁰. Резюме своих размышлений по этому поводу Кутузов изложил Ермолову: «Голубчик! Если бы кто два или три года назад сказал мне, что меня изберет судьба низложить Наполеона, гиганта, страшившего всю Европу, я, право, плюнул бы тому в рожу!»²¹ Но как полководец для фельдмаршала Наполеон по-прежнему на высоте: «Мы имеем дело с Наполеоном! А таких воинов как он, нельзя остановить без ужасной потери»²².

М.Б. Барклай де Толли, возвысившийся благодаря протекции Александра I, чувствовал себя «чужаком» среди «военно-аристократической олигархии». Он, действительно, от них очень отличался. Начальный период Отечественной войны 1812 г., обернувшийся личной трагедией Барклая, по-видимому, оставил в нём недоброе чувства не только по отношению к Кутузову, но и к Наполеону, явно подавлявшему его психологически. Так, 26 апреля 1814 г., после вступления русских войск в Париж, Барклай де Толли отправил письмо гр. Ростопчину: «Мы в Париже; Наполеон уже более не на троне французов, но он еще в числе живых, и я бы желал, чтобы он уже лучше не существовал; все надеюсь, что во время его переезда найдется какой-нибудь герой, который изгладит с лица земли этого бича человечества»²³. «Неразгаданный Барклай» и помыслить не мог о

том, что для сохранения жизни низложенного Императора Франции русский генерал гр. П.А. Шувалов (кстати, старый приятель кн. Багратиона) пересядет в его карету, наденет знаменитую серую шинель и отправится в путь по той самой дороге, где «узника трех монархов» поджидали наёмные убийцы! Мысль о банальном убийстве «бича человечества» застала врасплох Кутузова и Ермолова, когда к ним с подобным предложением явился знаменитый партизан А.С. Фигнер. И произошло это событие во время пребывания французов в Москве. «Изумленный предложением Фигнера Алексей Петрович начал зорко вглядываться в отважного самоотверженца и испытывать его разными вопросами, чтобы из ответов увериться, в здоровом ли уме Фигнер <...>? Ермолов решился в полночь, по отвратительной дороге, в непогоду, идти к Кутузову <...>. "Что ты, Алексей Петрович? – спросил Кутузов вошедшего Ермолова... -- Все ли благополучно у нас?" <...> Пока Алесей Петрович рассказывал, Михаил Илларионович <...> начал ходить по избе, заложивши назад руки, и спросил: "Фигнер не сумасшедший ли?" Проходили минуты в молчании. Кутузов поглядывал в окно на зарево над горевшей столицей и искушавшее военачальника армии в войне XIX века. Он взглядывал вопросительно на Ермолова и, наконец, спросил: "А ты, как думаешь?..." Патриот, как каждый русский в это время, ответил: "Как вам угодно приказать...". Продолжая ходить, Главнокомандующий, как бы рассуждая сам с собою, проговорил вслух: "На чем основаться? Ведь в Риме, во время войны между Фабрицием и Пирром, предложили однажды первому, чтобы разом покончить войну, отравить последнего, – Фабриций отослал предлагавшего это доктора, как изменника к Пирру". – "Да, это было так в Риме, давно уже", – ответил Ермолов. Кутузов, взглянул в окно на зарево, и продолжал рассуждение вслух: "Как разрешить! Если бы я или ты стали лично драться с Наполеоном явно... Но ведь тут выходит тоже как бы явно разрешить из-за угла пустить камнем в Наполеона..."²⁴. Опять молчание, опять вопрос Ермолову «как ты думаешь?» и опять прежний на это ответ «как угодно приказать». Мы

подробно приводим этот диалог, чтобы показать, что и «реальный» Кутузов сильно отличался от толстовского вымысла. Русский полководец, рассматривавший народную войну «в категориях античного единоборства», – этот психологический тип остался за пределами романа «Война и мир» как непонятый Л.Н. Толстым. А ведь стремление к античным образам – это лицо эпохи наполеоновских войн, её визитная карточка, незамеченная великим писателем. Кутузов в конце концов уступил чувству мести при виде зарева над Москвой: Фигнер отправился в Москву с неопределённым распоряжением Кутузова взять «осьмерых казаков на общем положении о партизанах». Вероятно, Светлейший не особенно верил в успех этой «миссии». После оставления неприятелем Москвы чувство мести стихло. В беседе с английским эmissаром сэром Р.Т. Вильсоном Кутузов заявил: «Я вовсе не убежден, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение императора Наполеона и его армии»²⁵. Намекнув на алчность союзников, Светлейший счёл уместным назвать Наполеона Императором.

Как ни парадоксально, но властолюбивый Наполеон был, по видимому, более понятен русским военным, чем их собственный Император с его абстрактным стремлением к «всеобщему благу». По мнению Дениса Давыдова, слова «люблю всех» на деле означали «не люблю никого». После вступления русских войск в Париж ожесточение стало сменяться всё более явными симпатиями к поверженному противнику. Так, С.Г Волконский вспоминал: «Восторженный Наполеоновым бытом в истории, я возымел желание иметь полное собрание его портретов, начиная от осады Тулона до отречения в Фонтенбло и просил книгопродавца Артория мне это собрать. Но это как-то встревожило австрийскую полицию, и Меттерниху был на меня донос, а он довел эти сведения до Государя, а от этого мне головомойка»²⁶. С этими портретами у 27-летнего генерала были связаны его личные переживания, ощущения собственной причастности к истории, а «Наполеонов быт» – со стремлением к подвигу и самопожертвованию на благо Отечества.

Александра I не могло не тревожить сочувствие русских офицеров к Наполеону, явно преобладавшее над их привязанностью к союзникам – англичанам, австрийцам, пруссакам. Александр I постоянно подмешивал в диалог между русской армией и Наполеоном третьи лица – союзников, но в этом вопросе взгляды русского монарха и его подданных не совпадали: в армии недолюбливали австрийцев со времен последних походов Суворова 1799 г., пруссаков не любили никогда, англичан основательно подозревали в стремлении «загребать жар чужими руками». Отношения же к французам за долгие годы боевых действий развились в родственные чувства: «И подлинно, пусть укажут нам из всех сражавшихся с Наполеоном народов хотя на один, который бы более русского благоговел перед величием его деяний, даже в такое время, когда земля наша стонала под бременем полчищ вооруженной Европы!»²⁷. Благоговение, однако, порождало дух соперничества, стремление отличиться, что и привело, в конечном счёте, русских в Париж. А в Париже многое переменялось: после долгожданной реставрации Бурбонов выяснилось, что за годы «Наполеонова быта» от них отвыкли не только французы. Как оказалось, русские офицеры ожидали большего! Денис Давыдов писал о настроениях в русской армии: «Мы начали разочаровываться, увидя внезапный упадок духа, обнаружившийся в французских войсках и во французской нации при первом неблагоприятном обороте войны, после первой неудачи Наполеона в России и на полях Лейпцига. Наше разочарование достигло наибольших размеров при вступлении нашем во Францию. Для нас русских, еще так недавно испытывавших вторжение многочисленного неприятеля в самые недра государства, воспрянувшего на защиту свою, малодушие французов было непостижимо. <...> Французы, имея лишь в виду сохранение тряпья, рухляди и спокойствия <...> предали своего диктатора на произвол судьбы. Измена восторжествовала, частные имущества спасены, спокойствие государства не нарушено, союзники в Париже, а Наполеон на острове Эльбе... Где же поприще, на котором ей (Франции. – Л. И.) возможно возратить если не все утраченное, то, по

крайней мере, известность и внимание к себе мира. <...> Когда Наполеон с сердцем, обгаренным кровью, бросился в ее объятия, призывая ее <...> на битвы, <...> она, бесстыдная, не вняв его призыву, вторично выдала его союзникам»²⁸.

В период Ста дней многие русские офицеры уже точно знали кем они сердцем. Воспоминания о тех днях кн. Волконского очень красноречивы: «Я потом не раз ходил к Тюльерийскому дворцу, перед которым ежедневно толпился народ <...> Наполеон выходил на балкон в сопровождении Бертрана, этого преданного друга <...>. Прогуливаясь по бульвару, мы встречали Лабедойера, известного в эту эпоху переходом с командуемым им полком к Наполеону в Гренобле <...>. При встрече с нами он сказал: "Что скажете вы, господа, о современных обстоятельствах, народном энтузиазме к императору? Я тоже участвовал немного в этом возвращении, но я могу вас уверить, что, если император вздумает сделаться опять тираном Франции, я первый убью его". Это я сообщаю, как доказательство чистоты чувств этого лица, вскоре павшего жертвою за то, что с ним разделяла вся Франция»²⁹. Далее Волконский сообщает: «Вообще все приверженцы Наполеона надевали тогда букет фиалок в бутоньерках, что сделал также и я...». После второго отречения Наполеона горестей у русских офицеров прибавилось: «...Приговорили к смертной казни того, которого Франция и армия величала названием "храбрый из храбрых"... Невольно выскажу, что непонятно мне, как нашлись французские солдаты, которые могли согласиться стрелять в того, который столь часто водил их к победам? <...> При этом еще скажу, что хотя и взвалили на Нею, что он будто обещал привезти Наполеона в клетку, но это ложный вымысел; он принял командование войском, посланным против Наполеона, при заверении, что Наполеон не имеет общей поддержки в народе, в армии, чему противное оказалось. Ему оставалось или оставить врученное ему поручение, или примкнуть к общему желанию. Он выбрал долг гражданина...»³⁰. Русские офицеры посещали судебные процессы над маршалом Неем и полковником Лабедуйером, открыто выражая им своё сочувствие. Они надеялись,

что вмешательство Царя предотвратит исполнение смертного приговора над соратниками Наполеона. Но Александр I велел передать кн. Волконскому, что за приверженность к Наполеону он будет расстреливать, но что, собственно, добивался русский Император от своих офицеров после того, как на обеде у генерала А. Коленкура сам вручил маршалу Нею рескрипт, признавший за ним титул князя Москворецкого?

Для русских офицеров, прошедших с боями до Парижа, мир как будто опустел со смертью Наполеона. Они заговорили об этом в полный голос, не скрывая сожалений об утрате. Победители щедро воздавали должное своему противнику, уже не помяная с гневом о сожжённом Смоленске, о пожаре Москвы. «Подвиги Императора Франции Наполеона Бонапарта и военная его слава есть чрезвычайное происшествие в мире! По невеликому его происхождению, не будучи предопределен по природе царствовать, он в воспитании своем видел одну только военную славу, и так все его способности получили развитие искусного полководца», – так судил о Наполеоне Г.П. Мешетич.³¹ Его собрату по оружию И.Т. Родожицкому таланты ушедшего из жизни Императора Франции представлялись более широко: «Каков был Наполеон, о том все знают и много писали. Большая часть черни-писателей бранили его без милосердия, и лаiali, как Крылова моська на слона; между тем полководцы, министры и законодатели парламента перенимали от него систему войны, политики и даже форму государственного управления. Он был врагом всех наций Европы, стремясь поработить их своему самодержавию, но он был гений войны и политики: гению подражали, а врага ненавидели. Слава подвигов Наполеона заставила забыть о корсиканце. Устрашенная Европа взирала с трепетом на великого Императора французов»³². По прошествии лет Родожицкий уже не упрекает Наполеона ни в безмерном честолюбии, ни в «династическом безумии». Напротив, стремления Императора Франции стали представляться

умеренными и понятными: «Сразив последние усилия Германии, он мог бы, казалось, стереть с лица Европы престолы некоторых держав; но победитель предпочел лучше облагородить свое племя вступлением в родство с древнейшею династиею императоров Германии. Завоевать у сильного царя дочь, было всегда целью героев в романах и сказках. Наполеон исполнил это, и к своему роману прибавил новую статью: посадил младенца на престол Римских цезарей, и назначил ему в наследство – мечту обладания миром». Г.П. Мещетич уже не сомневался в том, что все беды происходили в Европе по вине... союзников: «Но, покоривши оных, не желал их ожесточать лишением престолов; остался доволен одним их повинованием, считая, что в знак благодарности останутся ему верными: но это была большая ошибка его!» Русские офицеры упрямо «титуют» низложенного повелителя Франции Императором, вопреки решениям Венского конгресса, вопреки воле собственного монарха.

Если бы разжалованный из Императоров «кузник трех монархов» мог знать, какие чувства и мысли он унёс с собой, сколько людей сердцем скорбело о нём в той самой России, где «кончилось его счастье»! Победителям хотелось в меру своих сил запечатлеть на бумаге эпоху, в которую им выпало жить, удержать её в памяти, остаться в ней навсегда. Эпоху, которая ушла вместе с Наполеоном. «Время славы и восторга» закончилось; военных стали упрекать в ограниченности, недальновидности, пренебрежении к общественному благу. В ответ на эти многочисленные упреки в адрес ушедшей эпохи Денис Давыдов ответил убийственным по пронизательности и откровенности замечанием, доказывающим, что военные люди не так просты и невежественны, как многим представляется: «Грустно было нашему воинственному, но невежественному поколению быть вынужденным отстраниться <...>. Многие убеждены, что усилия ратоборцев настоящей эпохи клонятся лишь к пользе общей, к доставлению человечеству наибольшей суммы благосостояния,

свободы, просвещения! Нисколько! И тогда, и ныне на человечество смотрели, как на собрание цифр, которым решались и решаются задачи личных честолюбий и корыстолюбий <...>. Но польза благосостояний, истинная свобода нравов должны, по видимому, вечно оставаться раснятыми на кресте между двумя разбойниками, честолюбием военным и честолюбием гражданским, никогда не обнаруживающими ни малейшего раскаяния...»³³.

ПРИМЕЧАНИЯ.

- ¹ Харкевич В.И. Вып. 1. С. 51.
- ² Давыдов Д.В. Сочинения. Т. 3. СПб., 1895. С. 129.
- ³ Булгарин Ф.В. Воспоминания. Ч. 2. СПб., 1846. С. 130–131.
- ⁴ Роджицкий И.Т. Походные записки артиллериста... М., 1835. С. 373.
- ⁵ Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов, 2002. С. 101.
- ⁶ Экштут С.А. Страсти по мыльному пузырю // Родина. 2002. № 8. С. 129.
- ⁷ Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII XIX вв. М., 1993. С. 314.
- ⁸ Давыдов Д.В. Указ. соч. Т. 3. С. 320.
- ⁹ Булгарин Ф.В. Указ. соч. Ч. 4. 1846. С. 166–167.
- ¹⁰ Ермолов А.П. Записки. М., 1991. С. 69–70.
- ¹¹ Там же. С. 32.
- ¹² Бумаги П.И. Щукина. Ч. 8. М., 1904. С. 122.
- ¹³ РА. 1874. Кн. I. С. 1099.
- ¹⁴ Русский литературный анекдот конца XVIII–первой половины XIX в. М., 1990. С. 210.
- ¹⁵ 1812–1814. Секретная переписка... С. 216.
- ¹⁶ Там же. С. 241.
- ¹⁷ А.В. Суворов. Письма. М., 1987. С. 312.
- ¹⁸ РС. 1874. № 8. С. 422.
- ¹⁹ Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 151.
- ²⁰ Фельдмаршал Кутузов. С. 248.
- ²¹ Ермолов А.П. Указ соч. С. 258.
- ²² Фельдмаршал Кутузов. С. 424–425.
- ²³ РА. 1871. Кн. I.
- ²⁴ Родина. 2002. № 8. С. 48.
- ²⁵ Фельдмаршал Кутузов. С. 420.
- ²⁶ Волконский С.Г. Записки. СПб., 1902. С. 333.
- ²⁷ Давыдов Д.В. Указ. соч. Т. 2. С. 129.

²⁸ Там же. С. 130–131.

²⁹ Волконский С.Г. Указ. соч. С. 361.

³⁰ Там же. С. 381–382.

³¹ Мешетич Г.П. Исторические записки войны россиян с французами... // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 39–40.

³² Роджицкий И.Т. Указ. соч. С. 13–14.

³³ Давыдов Д.В. Указ. соч. Т. 2. С. 203–205.